

ЯРОЖИР ЛЯЧ

ХОЗЯЙКА
МЕРТВОЙ ТОПИ

Сказки гнилого болота

Яромир Лич

Хозяйка мертвой топи

«Автор»

2026

Лич Я.

Хозяйка мертвой топи / Я. Лич — «Автор», 2026 — (Сказки
гнилого болота)

Ярослав Громов нарушил главное правило Вербиц — он не уехал. Теперь столичный сыщик знает: мифы, которыми веками пугали крестьян, реальны, а законы империи бессильны против древнего проклятия болот. Василиса принесла себя в жертву и ушла на дно, став новой Хозяйкой, чтобы спасти живых. Но Ярослав не верит в безвыходные ситуации. Окропив порог своей кровью, он связал свою судьбу с Чертовой Топью и теперь слышит её зов. Чтобы разрушить проклятие и вернуть девушку к людям, Громову придется отыскать исток гнили. След ведет к заброшенному монастырю на Мертвой топи, где триста лет назад был заключен самый первый, страшный договор с бездной. Но болото не хочет отдавать свою новую королеву. Теперь Василиса — его оружие, и её зеленые глаза смотрят на Ярослава из тумана с голодной яростью чудовища. Сыщику предстоит решить: готов ли он убить монстра с лицом любимой женщины, или сам станет частью этой болотной могилы?

© Лич Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Голос из зазимка	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Яромир Лич

Хозяйка мертвой топи

Глава 1. Голос из зазимка

Зима в том году пришла рано и крадучись. Еще вчера болота Вербиц исходили липким, гниlostным полуденным паром, а сегодня на рассвете землю припорошил первый, несмелый зазимок. Тонкий слой хрустящего снега укрыл почерневшие избы, мертвые березовые пни и Великую Гать, сделав Гнилое болото обманчиво чистым, почти нарядным.

Но Ярослав Громов знал: под этой белой скатертью по-прежнему дышит бездна.

Он стоял у замерзшего окна своей съемной избы на окраине деревни. На нем была простая шерстяная рубаша с закатанными рукавами, обнажавшая глубокий, багровый шрам на правом запястье — след от веревок, которыми мужики связали его в ту страшную ночь. Ладонь, окропившая порог, больше не болела, но теперь, стоило туману подняться над топиями, шрам в форме березового листа начинал слабо, изнутри покалывать сухим теплом. Болото запечатало его. Болото помнило его имя.

Ярослав достал из кармана холщовый мешочек Василисы, прижал к носу сухие листья багульника. Резкий, одурманивающий аромат лесной свежести на мгновение вернул его в ту ночь на капище.

— Двадцать лет, — негромко произнес он в пустоту комнаты. — Столько, говорят, спит Хозяйка, пока не выпьет сосуд до дна. Но я не дам тебе столько времени, Василиса. Я найду лазейку.

Вдруг за окном, в наступающих синих сумерках, колыхнулся туман. Он выползал из леса неестественно быстро, серыми щупальцами облизывая бревна забора. В Вербицах уже три дня никто не решался выходить на улицу после заката. Деревня замерла в ожидании расплаты за свои грехи.

И в этой зловещей тишине Ярослав услышал *его*.

Это был не крик птицы. Из тумана донеслось тонкое, едва различимое пение. Голос выводит знакомую тягучую мелодию без слов, но теперь он не пугал сыщика, как в первый день. Ярослав прильнул к стеклу, всматриваясь в серую мглу. Мелодия оборвалась, и туман донес до бревен избы отчетливый, хриплый, ломающийся шепот:

— *Антониев... ключ... Ярослав... беги...*

Громов резко отпрянул от окна, его рука инстинктивно легла на рукоять тяжелого револьвера, лежащего на столе. Она звала его. Но «Антониев ключ»? На старых картах уезда такого места не числилось.

Размышления сыщика прервал резкий, уверенный стук в тяжелую дубовую дверь. В Вербицах так не стучали — местные обычно робко скреблись, молясь, чтобы им открыли быстрее, пока их не утащило в чашу.

Ярослав взвёл курок, подошел к двери и рванул её на себя.

На пороге, окруженный клубами морозного пара, стоял незнакомец. Это был молодой человек лет двадцати восьми, сухощавый, подтянутый, одетый в дорогое столичное пальто на лисьем меху, которое выглядело верхом нелепости среди здешней грязи. В руках он держал элегантный кожаный саквояж, а на его бледном, породистом лице застыло выражение глубокого, беззлого отвращения ко всему уезду. Его серые глаза за стеклами круглых очков смотрели на Ярослава с холодной пронизательностью.

— Коллежский ассессор Громов? — голос незнакомца звучит сухо, по-деловому, с явным петербургским акцентом. — Чрезвычайный следователь министерства внутренних дел?

— Он самый, — Ярослав не опустил револьвер. — А вы будете гражданин...

— Левковский. Илья Андреевич, — молодой человек бесцеремонно переступил через порог, заставив Ярослава отступить, и захлопнул за собой дверь, спасаясь от наступающего тумана. — Специальный медицинский эксперт и патологоанатом, прислан Его Императорского Величества канцелярией.

Левковский швырнул саквояж на лавку, снял дорогие кожаные перчатки и принялся греть руки у печи, даже не взглянув на хозяина избы.

— Министерство, знаете ли, весьма удивлено вашими рапортами, Ярослав Николаевич, — Левковский обернулся, и на его губах появилась тонкая, циничная усмешка. — «Организованная банда кузнеца Степана, практиковавшая оккультные ритуалы для сокрытия грабежей». Красиво написано. Но тринадцать трупов, которые вы приказали зарыть без надлежащего вскрытия, и сошедший с ума староста — это, увы, повод для служебного расследования. Из Петербурга кажется, что наш лучший сыщик либо покрывает истинных убийц, либо... попросту повредился рассудком в этих краях. Я приехал провести эксгумацию тел.

Ярослав медленно опустил курок револьвера и убрал его в кобуру. Он посмотрел на холеного столичного доктора с тяжелым, усталым сочувствием.

— Эксгумацию? — тихо переспросил Громов. — Ну что же, Илья Андреевич. Берите лопату. Только копать придется не землю. Копать придется Черную топь. И упаси вас бог потревожить тех, кто лежит под её льдом.

Левковский раздраженно фыркнул, поправляя очки. — Полноте, Громов. Вы серьезно хотите напугать меня деревенскими сказками про болотных чудовищ? Я анатом. Я верил и верю только в то, что могу разрезать скальпелем. Все ваши «страхи» — это лишь галлюцинации от ядовитых испарений болотного газа и торфяной лихорадки. Завтра утром мы начнем официальные следственные действия по закону Империи.

В этот момент изба содрогнулась. Это был не ветер. Откуда-то со стороны Великой Гати раздался жуткий, пронзительный человеческий крик, который тут же оборвался влажным, хлюпающим звуком. А вслед за ним по бревнам внешней стены избы, прямо над их головами, со страшным скрипом прошлись огромные, тяжелые когти.

За окном туман стал иссиня-черным, и сквозь морозные узоры на стекле Левковский впервые увидел, как в темноте вспыхнули два огромных, яростных зеленых глаза.

Циничный петербургский доктор мгновенно побледнел, а его холеные руки, замершие у печи, крупно задрожали. Начиналась первая ночь Мертвой топи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.